Попов Михаил

23.04.99

С Михаилом Поповым мы знакомы пятнадцать лет — вместе работали в популярном тогда в среде творческой молодежи журнале «Литературная учеба». Помню его первые крупные публикации, активно поддержанные таким мастером, как Андрей Битов. С тех пор у него вышло два стихотворных сборника, полтора десятка прозаических книг – романы, повести, рассказы на историческом и современном материале, детективные и приключенческие. Им написаны сценарии фильмов «Гаджо» и «Арифметика убийства» (Гран-при на фестивале «Киношок»). Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии имени Ивана Бунина. Заметным событием стал новый роман Михаила Попова «Пора ехать в Сараево», действие которого происходит накануне первой мировой войны. Автор показывает обитателей среднерусской усадьбы, с часа на час ожидающих смерти ее владельца и, понятное дело, наследства. Другая линия разворачивается на Балканах, связана она с похождениями молодого русского — Ивана Пригожина, вовлеченного в интриги авантюристки международного масштаба мадам Евы, полное имя которой — Европа...

Известия.— 1999.— 23 апр.— с.5

МИХАИЛ ПОПОВ: МЫ БОИМСЯ УЗНАТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ

РАЗГОВОР С ПИСАТЕЛЕМ, ЧЕЙ ПОСЛЕДНИЙ РОМАН ОКАЗАЛСЯ ВО МНОГОМ ПРОВИДЧЕСКИМ

— Михаил, многие персонажи «русской линии» обладают даром предвидения будущего: близкой войны, революции — вплоть до массового террора. Это — всего лишь литературный прием, или ты всерьез считаешь, что...

— ...будущее проницаемо. Именно так. Оно постоянно с нами, оно — нечто вроде подсознания. Просто мы не хотим, боимся узнать, какое оно на самом деле. Я попробовал изобразить людей, которым такое знание вдруг явилось.

— Многие критики, писавшие о твоем романе «Невольные каменщики» и о новой вещи, отмечали особо пристальный интерес автора к взаимоотношениям Человека и Времени. И тут происходит нечто загадочное: роман, который еще недавно после его появления в журнале "Лепта" и позднее — в "Роман-газете XXI века" воспринимался преимущественно как исторический, вдруг в свете недавних трагических событий в Югославии и некоторых происшествий у нас в стране обретает острослободневное звучание. Выходит, не только герои, но и автор способен угадывать будущее?

— Писать о провидцах — не значит самому провидеть. Я просто, как мог, действительно сочинил историю о взаимоотношениях Человека с Временем. Тогдашняя политическая ситуация (канун первой мировой) играла в романе роль антуража, как мебель в спектакле. Даже забавно, что моя книжка стала политически актуальной.

— Это стало неожиданностью и для тебя?

— Разумеется. Роман писался в то время, когда в бывшей Югославии все, казалось, закончилось, она стала глухой провинцией Истории. Косовский заусенец волновал меня мало. Но, перечитывая книгу, вдруг обнаружил, что она содержит нечто большее, чем я хотел вложить, что вопрос ехать или не ехать на Балканы — все еще актуален. И билеты туда продаются, хотя я думал, что поезд уже ушел... Книги иногда бывают прозорливее их авторов.

— В ходе работы не возникало опасений по поводу возможных упреков за обилие откровенных описаний любовных утех, о которых к тому же тайком снимается "порнографическая фильма»? Более того, в качестве причин мировой войны выдвигается крайне «несерьезная» версия сугубо интимного характера...

— Действительно, в романе изображается одна предельно развратная авантюристка — модернизированный в худшую сторону вариант Маты Хари. Она на практике доказывает, что войны начинаются в постели, что чресла шлюх и кресла правителей всегда рядом. Да, иногда возникали сомнения: не слишком ли я упрощаю, не много ли внимания отдаю этой стороне дела? Ведь теперь вроде времена другие, более цивилизованные — теперь политические проститутки не водятся с проститутками панельными. Я опасался, что за это мне достанется от людей доброй воли и тонкого вкуса. Зря опасался... Бедная Мата, если бы она знала, что можно обойтись без всей этой Кама Сутры! Сегодня одного специфического пятна на платье достаточно, чтобы поднять в воздух военную авиацию. А уж о том, в каком виде показывают по нашему национальному телеканалу министров и прокуроров, я просто молчу.

— Все герои отечественной части романа ждут, когда не станет хозяина имения — ждут наследства. Здесь тоже могут возникнуть современные параллели...

— Сказать по правде, не думал об этом. Вообще же, считаю, плохи наши дела, если мы всеобщего счастья ждем от чьей-то смерти.

— Твой главный герой — русский простак Иван Пригожин становится жертвой коварной и циничной мадам Евы-Европы. Собственно, его судьба совпадает с судьбой страны. Страна тоже становится жертвой...

— Мне кажется, наша участь — проигрывать нечетные мировые войны. Проиграли первую, проиграли третью...

— Ты говоришь о третьей мировой войне?

— Разумеется. Ничего в моем утверждении нет парадоксального. Была же такая. И называлась образно — «холодная». Началась она в 1946 году в Фултоне речью Уинстона Черчилля. Закончилась в 1991 году в Беловежской Пуще. Признаки поражения? Потерянные территории, утраченное влияние в мире, контрибуция в виде выплаты процентов по долгам. Самое любопытное, что война была нам именно объявлена и велась против нас открыто. И мы тоже воевали и не скрывали, что воюем. Везде. В космосе, во Вьетнаме, на каждой хоккейной площадке, на кукурузном поле. Шансы СССР на победу были не так уж плохи, пока нас не догадались бомбардировать жвачками, джинсами и прочим в том же роде. Страну разложили мифом об американском образе жизни. Именно мифом, а не самим образом. Что это была за страна — разговор особый.

— И что же теперь прикажешь делать?

— Надо признать поражение. Только оттолкнувшись от дна, можно начать всплывать. Вместо того, чтобы сцепить зубы и выкарабкиваться, мы сидим, верим болтовне всякого выборного ворья и удивляемся, почему нам не становится жить лучше. Наш президент все упорно твердит, что мы великая держава. Пусть это скажут другие. Он ведет себя как Гулливер, вернувшийся в Лондон из Страны лилипутов. Помнишь, он кричал встречным экипажам, чтобы они посторонились, иначе он их растопчет...

— Возможно, нам стоит вспомнить об опыте стран, потерпевших когда-то поражение?

— Послевоенный промышленный бум в Германии и Японии начался потому, что эти страны отсидели свой срок в историческом карцере на хлебе и воде. У нас все наоборот. У нас после поражения началась большая презентация. Представь себе такую фантастическую картину. Июль 1945 года. На Лазурном берегу, в лучшем французском ресторане пьют и веселятся офицеры СС прямо в парадной форме, а в ночном клубе Нью-Йорка бывшие лидеры Гитлерюгенда лепят стодолларовые банкноты на лоб черному саксофонисту... Гулевание наших бывших функционеров, в одночасье ставших миллионерами, и «братков», которые выезжают из обобранной родины с полными карманами валюты, кажется мне сценой из той же безумной оперы. Не знаю, как это сделать, но должно быть так, чтобы на «мерседесе» было ездить нельзя. Не по приказу глупого начальника, а из страха перед общественным мнением. По правде говоря, никто в нашей стране на «мерседес» *не заработал*. Не дай Бог видеть наш бизнес, бессмысленный и беспощадный.

— Боюсь, у нас не скоро будут стыдиться обладания «мерседесом»... Наше будущее видится тебе навек бесперспективным или есть-таки свет в конце туннеля?

— Свет есть, но туннель очень длинный. Не исключено, скажу не для красного словца, что это и вообще *тот свет*. Впрочем, нам сейчас, кажется, могут помочь. Я имею в виду не деньги МВФ, а крылатые ракеты, которые падают на Югославию. Десять лет назад эта страна была полностью американизирована, а теперь там громят «Макдональдсы». Мы такие же. Чтобы мы сплотились, надо, чтобы на нас напали или хотя бы сильно «достали». Войны вроде афганской или чеченской мы ведем без вдохновения...

Не так давно известный мыслитель Френсис Фукияма написал, что история в привычном понимании закончена. Теперь отчетливо видно, что парень поторопился. История не закончилась, более того, она повторяется. Возгоняет себя по спирали. Глядя вниз с нашего витка, нельзя не увидеть, что Беловежская Пуща-1991 и Брест-Литовск-1918 не только в географическом, но и в историческом смысле расположены рядом. После Брестского мира началось, пусть и издалека, движение ко второй мировой войне...

— Она закончилась для нас победой. Ты об этом?

— Если не удаются нечетные войны, должны удаваться четные. И обязательно оборонительные. Так было и в более отдаленном прошлом. Чем кончились нашествия Карла XII, Наполеона?.. А можно вообще побеждать в войнах по-китайски. Не участвуя в них. Конфуций говорил: когда дерутся два кабана, панда потирает лапы на горке.

— Но достаточно о войнах и политике. Вернемся к литературе.

— Нам не удастся полностью отделить войну от литературы. В окопах всегда читали. На первую мировую английские солдаты отправлялись с книжкой барда Оссиана, на вторую американцы брали с собой Омара Хайяма — тиражи его книг в Штатах в то время выросли многократно. А вспомним, как хорошо повоевал Василий Теркин. Интересно было бы узнать, что читают нынешние натовские пилоты между вылетами.

— Твой роман восприняли поразному. Например, Анатолий Ким утверждал, что «Пора ехать в Сараево» «продолжает традицию блистательной русской беллетристики начала века». Это подтверждают, скажем, «чеховские» сцены усадебного быта. Но, кроме Чехова, чувствуется присутствие еще слишком многих — от Тургенева до Набокова и Зощенко. Кстати, на этом основании некоторые критики зачисляют эту вещь по ведомству постмодернизма, вокруг которого ломается столько копий. А еще слышатся похвалы в адрес автора за оригинальное сочетание элементов «массовой» и «серьезной» литературы — с одной стороны, а с другой — упреки в переусложненности формы...

— Мне кажется, что все копья вокруг постмодернизма уже сломаны. Представь себе писателя, который говорит себе: а напишу-ка я постмодернроман. И другого представь, дающего себе клятву, что под страхом смерти он не сочинит ничего постмодернистского. Помоему, с обоими все ясно.

Что же касается простоты, то я приведу такой любопытный, на мой взгляд, факт: во время гражданской войны в Никарагуа в рюкзаках партизан не менее часто, чем консервы и патроны, можно было найти роман Кортасара «Игра в классики». Кортасар не самый простой из писателей, и этот роман не самый простой из его романов. Доступность — не самое главное достоинство литературы. Сказано ведь: «Есть речи — значенье Темно иль ничтожно, Но им без волненья Внимать невозможно».

— И самый последний, но и самый злободневный вопрос: так надо ли нам спешить покупать билеты на балканский поезд?

— Ни в коем случае.

Беседу вел Александр НЕВЕРОВ.

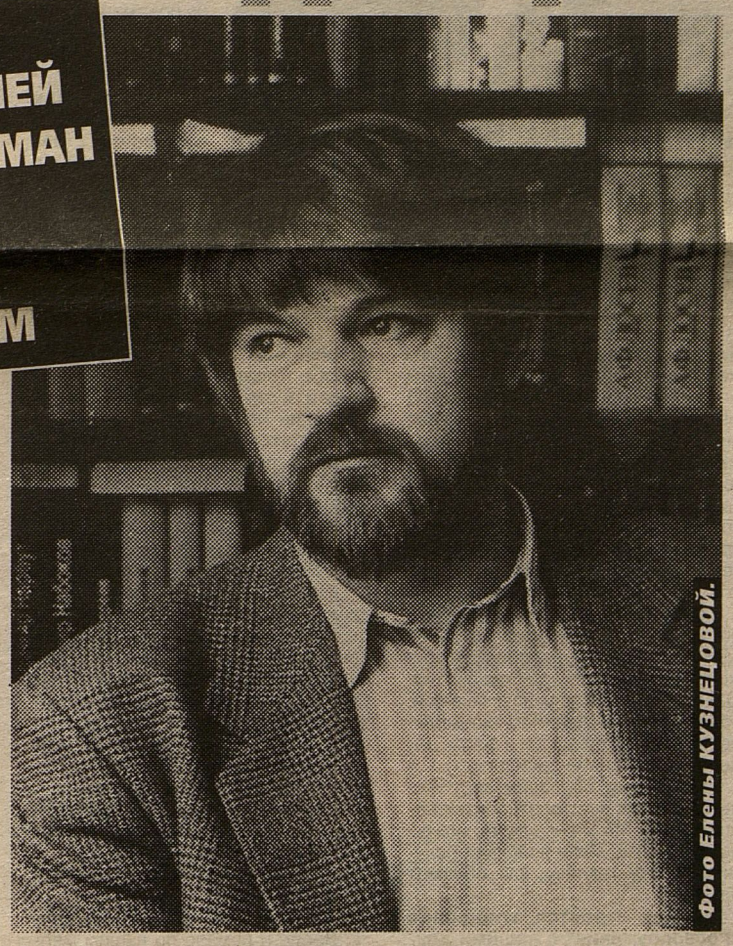

Фото Елены КУЗНЕЦОВОЙ.

Самый дешевый
ИНКУБАТОР
из двух картонных коробков легко сделать за один вечер, если выписать наложенным платежом (почтой)
ТЕРМОРЕГУЛЯТОР
с бесплатными:
пособием по инкубации и изготовлению инкубатора, а также витаминной добавкой. Высокая надежность! Импортные комплектующие! *Гарантия 2 года!*
Цена до 01.06.99 — 167 руб.
(плюс стоимость пересылки), дальнейшая отправка с учетом сложившейся инфляции. Оплата при получении.
Заявки по адресу:
170000, Тверь, а/я 376 Т.